

УДК 330.101(09)+658(09)

DOI: 10.18524/2413-9998/2018/1(38).135303

Н. А. Уперенко,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей экономической теории
и экономической политики
Одесский национальный экономический университет,
ул. Преображенская, 8, г. Одесса, 65082, Украина
e-mail: rinek@onu.edu.ua

Э. А. Кузнецов,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономики и управления
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина
e-mail: edkuznietsov@gmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ И ТЕОРИИ ИНСТИТУТОВ

В статье рассматриваются базовые аспекты реализации методологического подхода в системе инверсионного соединения рационализации коренных понятий с инновационной моделью трехуровневой реинтеграции человека в экономической истории и теории. Доказывается необходимость дальнейшего развития духовных производительных сил общества, как основы формирования инновационной экономики и экономики знаний. Предлагается модель расширения и углубления институциональной теории на основе историко-экономических исследований отраслевых и межотраслевых институтов, а так же их внутриорганизационных подсистем в современных ТНК, альянсах, кластерах.

Ключевые слова: институциональная классическая теория, история экономики и теория институтов, духовные производительные силы, модель реинтеграции человека, макроэкономическое и микроэкономическое развитие, постиндустриальное общество, экономика знаний, инновационный процесс, интеллектуальное и креативное развитие общества.

Постановка проблемы в общем виде. Творческие взаимосвязи историко-экономических и теоретических знаний представляют собой долгосрочный, многоплановый, постепенно усиливающийся процесс. Его начало восходит к работам Аристотеля, а современный этап представлен трудами М. Фридмана, Р. Фогеля, Д. Норта, Д. Хикса [9, с. 101-135], авторского коллектива Кембриджской экономической

истории Европы нового и новейшего времени [5] и другими пионерными исследованиями. Существенным фактором ускорения данного процесса стало формирование, с участием историков-экономистов, институциональной экономической теории (конец XIX в. – XX в.), которая, как известно, включает институционализм классического направления и неоинституционализм. Сегодня большинство экономистов-теоретиков склоняются к новой институциональной теории. Историки-экономисты, не игнорируя это направление, видят и в классическом варианте значительный потенциал, сближающий его с широкой проблематикой современной экономической истории. На эти преимущества, в свое время, указывал и академик А. А. Чухно: «Институционализм классического направления, – писал он, – по методологическим подходам тесно связан с классической политической экономией, экономической теорией марксизма, немецкой исторической школой, кейнсианством и философией прагматизма. Ему присуще исследование производства и роли государства в экономике и обществе. К тому же социально-экономические процессы рассматриваются здесь в развитии, что обуславливает направленность этой методологии в будущее, познание экономической системы в движении, в процессе перехода от низших к высшим, то есть более совершенным формам» [13,10].

Постановка задания. Рассмотреть базовые междисциплинарные проблемы взаимодействия истории экономики и теории институтов. Предложить пути решения системных теоретических задач данного взаимодействия с целью более эффективного развития постиндустриального общества.

Изложение основного материала. Немаловажным фактором сближения наук является то обстоятельство, что именно с институционализмом этого направления связана теория информационного, постиндустриального общества, раскрывающая связи научно-технического развития с формированием институциональной среды и рассматривающая информацию и знания как новые факторы производства. С этой теорией связаны так же представления о технологическом способе производства, технологических укладах, человеческом и интеллектуальном капитале. В неоинституционализме историков-экономистов интересуют акценты на исследованиях рынка, институциональной среды, прав собственности, контрактных соглашений, транзакционных затрат и, что особенно важно, теории фирм. В совокупности и эти направления могут существенно углубить теоретические основы исторических исследований. Следует отметить все же, что реализация установок Д. Норта

на интеграцию институциональной теории в экономической истории в настоящее время связана с существенными осложнениями.

Во-первых, сама концепция остается все еще не завершенной: отсутствуют четкие теоретические обобщения о специфике межотраслевых и внутри организационных институтов, представленных, к примеру, в транснациональных корпорациях (внутренние банки, биржи).

Во-вторых, определение институтов нечетки, неоднозначны, и часто не могут использоваться в качестве методологического инструмента исследования.

В-третьих, представление о технологическом способе производства не связано в должной мере, с теорией развития социально-экономических систем, а так же с нерешенными актуальными проблемами современной экономической теории.

По этим, и целому ряду других причин, интеграция теории институтов не может быть односторонним процессом, а должна сочетаться с творческим соучастием историков-экономистов, направленным на совместное междисциплинарное решение перечисленных проблем. В связи с этим, а также с малочисленностью качественных разработок, посвященных теории институтов, возникает острая необходимость исследования этих проблем. На рубеже «история экономики – институционализм» следует, поначалу, определить несколько первоочередных междисциплинарных проблем интегративно-творческого взаимодействия историко-экономических и теоретических знаний. Наиболее актуальными из них, с точки зрения историков-экономистов, можно считать: трактовку понятия институтов, творческий подход к идее технологических способов производства, а так же соединение реинтеграции человека в экономической истории и разработки ее антропологии с теорией институтов.

Этим аспектам и посвящена данная статья. Приступая к выяснению первой проблемы – уточнения центрального понятия – «институты», напомним, что в современной литературе по этому вопросу различаются: формальные и неформальные институты, организации, и механизм принуждения экономических агентов к исполнению правил. В структуру основных формальных институтов обычно включают: 1) Рынки как институциональные соглашения; 2) государственно-правовое и административное регулирование функционирования и развития экономики, а также защиту собственности и конкуренции; 3) финансовое право и финансовые механизмы регулирования конфликтов; 4) трудовое законодательство; 5) биржи; 6) банки; 7) независимый суд. Такое

разнообразие качественно разнородных составляющих существенно затрудняет выработку консенсусного понимания институтов. Многие авторы, склоняясь к тому, что институты являются общественно установленными правилами игры, дают свои далеко не однозначные определения. Э. Остром считает их совокупностью существующих правил, «которые устанавливают – кто принимает решения, какие действия дозволены, а какие нет» [13, с. 29]. У. Митчел говорит о преобладающих и наиболее стандартизованных общественных привычках [13, с. 26]. Д. Норт видит в них правила игры, которые организуют взаимоотношения между людьми. О. Вильямсон трактует институты как механизмы управления контрактными отношениями [13, с. 28]. Д. Рользу они представляются как публичная система правил, дозволенных и не дозволенных действий. Д. Ходжсону – как долговечные системы сложившихся и укоренившихся правил [12]. Оригинальные определения находим у отечественных авторов. Так, А. А. Чухно, П. М. Леоненко, П. И. Юхименко подходят институту как «социальному феномену», ядром которого являются правовые нормы, обеспечивающие понимание и предусмотрительность, структурированность ежедневной жизни. Сущность экономического института, – подчеркивают они, состоит в освоенных системах ценностей, устойчивых социальных нормах, стандартах поведения, схемах мировосприятия, а его свойственные сущностные признаки – рациональные установки и аппарат принуждения [13, с. 35]. Известный экономист А. А. Гриценко предлагает включить в рассматриваемые понятия всю социальную реальность, а не только правила игры [4, с. 29]. А. Е. Шаститко возвращается к представлению о совокупности формальных и неформальных правил, созданных людьми и выполняющих «функции ограничения в ситуации выбора, а так же механизмов соблюдения данных, правил» [14, с. 10].

Большинство перечисленных определений, очерчивая общее представление об институтах, страдают известной неполнотой. Основные ее проявления выражаются в следующем:

1. Целый ряд авторов рассматривают институты, как совокупность правил, регулирующих поведение экономических агентов, а не подсистему (как Норт и Рольз), обеспечивающую, согласно Веблену, Коммонсу и Гамильтону, движение всей социально-экономической системы. Это усиливает, поведенческий уклон, концепции, но в то же время существенно сужает ее теоретическо-методологические и междисциплинарные возможности. Между тем, уже выяснение простейшей субординации институтов позволяет определить их системообра-

зующее ядро (политические и рыночные институты, защита собственности и конкуренции), обеспечивающее функционирование и развитие макро системы: производство – распределение, обмен, потребление. Соотношение подсистемы и макросистемы приобретает особый смысл с учетом:

а) известного положения о взаимосвязях степени сложности, а так же динамики регулируемой и регулирующей систем;

б) выяснения диалектики взаимосвязей функционирования и развития;

в) определения духовной составляющей процесса развития, как мощного фактора воздействия на систему институтов;

г) приоткрывшиеся возможности инверсионно-полевого уровня исследования внутрисистемной динамики и использования инверсионно-полевого подхода для определения и сопоставления уровней качественных изменений в институтах, организациях и окружающей социально-экономической и экологической среде;

д) расширения и углубления институциональной теории на основе историко-экономических исследований отраслевых и межотраслевых институтов, а так же их внутриорганизационных подсистем в современных ТНК, альянсах, кластерах.

Кроме того, в рамках предлагаемого системного толкования восстанавливаются конструктивные взаимосвязи предмета и метода исследования, когда научные требования к методу (методологический плюрализм, теоретический релятивизм, междисциплинарный подход) увязываются с научными представлениями о предмете. Поэтому не «совокупность правил», а углубляющая содержание и методологический потенциал, системность институтов должна стать их основной понятийной характеристикой.

2. Заметным недостатком в определении понятия институты является так же пониженный уровень интеграции научного принципа развития. Собственно, в большинстве определений о нем вообще не упоминается, а в теории речь идет, преимущественно, о динамике институтов и факторах, влияющих на их изменение (наука, технологии, организации, социальные прослойки и др.). Реализация же проблемы более глубокой трактовки процесса развития, поставленной Ф. Броделем, Э. Мореном и самим Д. Нортон, отмечавшим, что именно динамической теории изменений недостает современной экономической науке, – сводится к тем же институтам, которые вместе с технологиями считаются ключами к пониманию развития в экономической истории и теории. Многие, не без оснований, видят в этом громадный шаг вперед. И с

этим, с определенными оговорками, можно согласиться, но не смущает ли исследователей, наряду с этим, то обстоятельство, что речь идет не столько о теории развития, сколько о регистрации очень важных, но все же односторонне-эмпирических фактов, подлежащих дальнейшему осмыслению на уровне научных принципов качественных изменений в развивающихся системах? Другими словами, не назрела ли необходимость новой трактовки развития, как инверсионно-полевого процесса? Определив основные принципы инверсионных изменений (внутренняя дифференциация качеств, ветвления, напластования, превращения, сопряженности и др.), и освоив понятие связанных с ними инверсионно-полевых процессов, особенности их моделирования, исследования и проектирования, мы сможем продвинуться по пути формирования междисциплинарной теории развития. В институциональной теории, одновременно, мы получим упреждающую информацию об изменении институтов, о возможных альтернативах развития, об уровнях инверсионности, как показателях качественных изменений и готовности к интегративным вариантам функционирования. Что касается моделирования и проектирования инверсионно-полевых процессов, то их использование в институциональных подсистемах может способствовать развитию и повышению уровня эффективности как внутренних межинституциональных, так и внешних кластерно-сетевых связей. Вот почему интеграция инверсионно-полевых представлений в понятийный аппарат и в теорию институтов в целом, а также в экономическую историю, является актуальнейшей междисциплинарной проблемой.

3. Серьезным упущением, предлагаемых определений является так же их полная ограниченность от основных тенденций в современной методологии исследований (методологический плюрализм, инструментализм, теоретико-методологический релятивизм). Динамика современной действительности настоятельно требует, чтобы понятийный аппарат не тяготел к железобетонным конструкциям, а в каждом из своих звеньев содержал творчески-динамическую сердцевину, стимулирующую процесс познания и связи с практикой. Именно так мы понимаем установки современного неорационализма, включающего: конструктивную направленность познания, различные познавательные позиции, ориентацию на социальную действительность, диалогово-консенсусные подходы. Такой креативно-стимулирующей сердцевиной, реализующей неорационалистические устремления является, по нашему мнению, разрабатываемый ныне тот же инверсионно-полевой подход. Объединяя его, с системностью мы создаем возможность исследования

нового, инверсионного аспекта внутрисистемной динамики. Поэтому, определяя понятие институтов, следует подчеркнуть, что они, как и макрообъект исследования, представляют собой адаптивное образование, – развивающуюся инверсионную, динамичную, качественную, комбинационную систему кластерно-сетевого типа с большим разноплановым потенциалом инновационных и латентно-регрессивных качественных изменений.

При этом, как бы успешно с начало ни функционировали ее звенья, – с течением времени, – согласно тенденции подчеркнутой А. Тойнби – под влиянием внутрисистемных и, особенно, внешних факторов, она перестает соответствовать обстоятельствам и корректируется или сходит с исторической сцены. Тойнби указывал на судьбы институциональных систем Спарты, Османской империи и др. стран. Этот список можно было бы удлинить вплоть до развала Советского Союза. Рассматриваемую тенденцию, на первый взгляд, трудно увязать с многовековой гибкостью капиталистической рыночной системы, но закон постоянных инверсионных изменений распространяется на все экономические объекты, явления и процессы. И подтверждением этому служит и современный кризис, и усложнение хозяйственных систем, усиливающее риски возможных катастроф, и опасности мирового доминирования одной страны. Таким образом, наша уверенность в том, что только институты являются ключом к пониманию экономического развития, должна быть определенным образом, скорректирована на почве инверсионности, подтверждаемой реальными фактами и на основе дальнейшего обновления экономической теории.

Приведенные замечания и пожелания дают возможность выйти на определенный вариант трактовки рассматриваемого нами понятия. А именно, институты – это инверсионно-динамическая, общественно признанная подсистема формальных, неформальных правил и запретов, влияющих на уровень эффективности, функционирования и развития инверсионной рыночной макросистемы: производство – распределение, обмен – потребление, (включая организации), формирующих систему социально-экономических отношений в обществе и выражающих частнособственнические интересы, мотивы, стимулы деятельности и нормы поведения экономических агентов.

О главных преимуществах такого подхода к трактовке институтов было сказано в ходе критических пожеланий по качеству существующих формулировок. Теперь же, на наш взгляд, необходимо добавить следующее:

а) Предложен вариант междисциплинарного, многоаспектного определения институтов, нацеленный на усиление взаимосвязей историко-экономических и теоретических исследований.

б) Внимание акцентируется не только на взаимосвязях институтов и организацией, но также на макрофункциях институтов в развивающейся социально-экономической системе, что значительно расширяет основы интеграции знаний.

в) Одной из общих, центральных проблем познания рассматриваемых наук становятся взаимосвязи в структуре: институты – социальные экономические отношения. Социально-экономическим движениям возвращается роль факторов, воздействующих на институты.

г) Категории функционирование и развитие (подсистем и систем, процессов и явлений) расширяют творчески-методологические функции, а углубление трактовки развития переходит в разряд актуальнейших междисциплинарных задач.

Вторым междисциплинарным рубежом ближайшей интеграции историко-экономических и теоретических знаний является проблема творческого подхода к использованию понятия и теоретического толкования технологического способа производства. Как и в предыдущем случае, условием интеграции, по нашему мнению, должно стать, поначалу, уточнение основного понятия. Дело в том, что уже предложенные трактовки существенно сужают его понимание, не учитывая, зачастую, и тех полезных наработок, которые предлагаются самой теорией институтов. Возьмем, к примеру, определение в коллективной работе «Обучение рынку» [2]. Приводится следующее определение: «технологические способы производства – это комплексы взаимосвязанных технико-технологических принципов, которые определяют технологическое содержание производственных процессов и представляют собой технологическую основу экономического роста на протяжении долговременных этапов развития цивилизации и отграничены один от другого радикальными революционными изменениями в процессе развития системы производительных сил» [2, с. 44-45]. Как видим, в этой характеристике есть многое, кроме указания структурных элементов способа, особенностей их функционирования и развития. Это, естественно, снижает методологический потенциал понятия как инструмента исследования. Более удачная формулировка приводится авторами «Институционально-информационной экономики» А. А. Чухно, П. М. Леоненко и П. И. Юхименко. В их понимании предмет исследования предстает «как способ производства, основывающийся на техни-

ко-экономическом соединении вещественных и личностных факторов производства, комплексе технико-технологических отношений между вещественными составляющими производительных сил и системе технико-экономических отношений» [13, с. 234]. При всех положительных качествах этих определений все же остаются неясными ответы на следующие вопросы:

а) является ли технологический способ комплексом или подсистемой?

б) почему, вопреки институциональной теории не указывается на взаимосвязи технологического и институционального, как факторов развития технологических укладов и макросистемы в целом?

в) чем оборачивается неучет проблематики складывающейся, особо актуальной ныне динамической теории производства?

В поисках ответов на эти вопросы, заметим поначалу, а позже подтвердим, что структурные особенности рассматриваемого технологического способа производства, их взаимосвязь, с учетом интегративных тенденций, дают основание считать его не комплексом, а системообразующей подсистемой социально-экономического макрообъекта. Это значит, что на нее распространяются все ранее предложенные уточнения, касающиеся диалектики соотношений функционирования и развития, инверсионных качественных изменений и роли духовных производительных сил. Уточнение связей подсистемы и макросистемы, особенно важно в междисциплинарном плане, так как дает возможность поднять проблему разработки модели сложных социально-экономических систем по Г. Коландеру [6] и, таким образом, перекинуть еще один мост взаимосвязей между историей экономики и макроэкономической теорией.

Что же касается суженной трактовки технологического способа производства в отрыве от порождающей его рыночно-институциональной системы (вспомним хотя бы превращение торгового капитала в промышленный, рост объема и разнообразия физического капитала в форме новых орудий труда по Д. Хиксу), то в данном случае отступление от традиции могло бы придать толкованию углубленный смысл, тем более, что именно институты обеспечивают взаимодействие основных факторов экономического роста.

Не учёт в процессе разработки понятия, проблематики динамической теории производства, вызванный недостатком отечественных публикаций, естественно снова оборачивается известной неполнотой формулировок, снижение их теоретико-методологического потенциала. Преодоление сложившейся ситуации требует совместных действий

историков и теоретиков. Это их общая теоретико-методологическая проблема. И здесь, разделяя озабоченность Д. Норта («динамическая теория изменений – вот чего не хватает современной экономической теории») [7] и горечь сокрушений Д. Хикса (динамическая теория «до сих пор служит предметом острых дискуссий») [11, с. 308] мы обязаны вспомнить вопрошающе-программную фразу известного историка-экономиста Фернана Броделя: «как поймать изменение?». Другими словами, каковы принципы внутрисистемных качественных изменений? И, после этого, обратившись масштабной историко-экономической действительности, мы убедимся еще раз, что именно инверсионные качественные изменения являются глубинным динамическим признаком индустриальной, постиндустриальной экономики и, безусловно, самого технологического способа производства. И в самом деле, в основе его структуры и функционирования лежит инверсия соединения вещественных и личностных факторов производства, обеспечивающая превращение материалов в готовый продукт. Его внутреннюю динамику обеспечивают гибкие автоматизированные многофункциональные системы, представляющие собой инверсионные комбинации гибких ячеек и гибких транспортных компьютеризированных линий. Все активней используются нано технологии на основе инверсионного соединения знаний физики, химии, биологии, материаловедения.

Биоимитационные компьютерные модели стимулируют развитие робототехники тех же нанотехнологий и других сфер материального производства. Итак, факты свидетельствуют еще раз, что технологический способ производства по своим структурно-динамическим характеристикам является инверсионным, системно творческим образованием. Все сказанное, с учетом опыта отечественных исследователей, дает возможность уточнить его понимание в виде следующей формулировки:

Технологический способ производства это обусловленная накоплением капитала, инверсионная подсистема, функционирующая в определенной институциональной среде, основанная на соединении вещественных и личностных факторов производства, присущих ему технико-технологических, технико-экономических, социально-экономических отношений и обеспечивающая вместе с институтами, наукой, образованием и культурой развитие технологических укладов и социально-экономического макро образования в целом. Такая расширительно-междисциплинарная трактовка, на наш взгляд, имеет ряд немало-важных творческих преимуществ:

1. Она соединяет системный, инверсионный и институциональный подходы к предмету исследования, нацеливая на углубленное познание внутренней динамики и процесса развития экономических систем.

2. На этой основе приоткрывается возможность дальнейшего расширения междисциплинарных связей экономической истории и экономической теории, особенно с учетом проблем глобализации и деиндустриализации [3].

3. Предложенный вариант понимания вплотную подводит к необходимости разработки междисциплинарной модели сложных социально-экономических систем, на которых акцентировал внимание Ч. Коландер [6].

4. На первый план, в программе первоочередных исследований, выдвигается актуальнейшая проблема: интеграция теории экономического роста, постиндустриального общества и общей концепции институтов с теорией устойчивого экономического развития.

Не трудно заметить, что в последнем тезисе речь идет и о переходе от теории экономического роста к междисциплинарной теории экономического развития и о новом этапе эволюции экономических знаний.

Третьим предварительным условием и, одновременно, важнейшим шагом в усилении содержания и творческих взаимосвязей экономической истории и теории является разработка трехуровневой модели реинтеграции человека в данных науках. В связи с этим, следует сначала отметить, что точка зрения Д. Норта и Д. Хикса, считавших, что теория истории экономики может быть создана только на основе институционального подхода, требует определенных уточнений. Кроме институционального аспекта здесь не обойтись без совершенствования теории систем, без трансформации представлений об экономическом росте в новую, углубленную междисциплинарную концепцию развития. Эта концепция, как отмечалось, в свою очередь, невозможна без конвергенции доктрин постиндустриального общества, институтов, экономического роста и устойчивого экономического развития. И, наконец, эффективное решение задачи неосуществимо без развитого антропологического аспекта исследований в экономической истории и теории. Более того, в истории экономики необходимо создать историко-экономическую антропологию, изучающую долгосрочный, многоплановый процесс влияния хозяйственной деятельности на человека. Примерно в таком варианте результаты этой комплексной инновации окажут должное влияние на теоретические основы интересующих нас наук и послужат их творческому сближению. Но для этого потребуется еще одно

условие, которое связано с реализацией трехуровневой модели реинтеграции человека. Переходя к более подробной характеристике трехуровневой модели, отметим следующее.

Первый аспект интеграции на основе предложений уже витаграммы личности нацелен на исследования человека в рамках существующей системы институтов, его жизнедеятельности, ментальности, качества, поведения в роли экономического агента, собственника индивидуального капитала, члена семьи элемента, окружающей социальной среды. Поскольку теория рассматривает индивида как институт, встает и проблема познания его институциональных функций, связей, творческих возможностей. Все перечисленные аспекты и в отечественной экономической истории и в теории, до настоящего времени, детально не изучались. Открывшиеся возможности позволяют существенно расширить информацию, интересующую не только эти науки, но и современный менеджмент, социологию, прогнозирование. Есть основания полагать, что спрос на нее в ближайшем будущем будет возрастать по мере исследования поведения рыночных агентов, особенностей гуманитарных технологий, когнитивных способностей бизнесменов и многое другое. На этой основе, постепенно, вырисовывается и упомянутая уже необходимость разработки в истории экономики историко-экономической антропологии, которая, кроме всех перечисленных задач, возьмет на себя функции изучения воздействия долгосрочного развития экономики на физические, социально-экономические, действенно-духовные, творческие способности человека. Это необходимо и для совершенствования институциональной системы, в центре которой и в условиях рынка должен стоять человек, и в целях регулирования его долгосрочного развития.

Второй уровень реинтеграции человека связан с организациями. До недавнего времени фирма как специальный предмет исследования не была по-настоящему представлена в экономической истории, а в теории ей начали уделять должное внимание лишь в последние десятилетия. Теперь ситуация меняется. Обе науки расширяют исследования организаций. При этом в истории экономики открывается еще один аспект сотрудничества с теорией: наряду с изучением предприятий, исследуется их взаимосвязи с институциональной средой, а так же вопросы регулирования. Одновременно в центре внимания оказывается проблема человеческих ресурсов, знаний, социального капитала, менеджмента, организационной культуры и многое другое. Надо думать, что историко-экономические исследования этого типа вскоре станут надежной базой современной институциональной и общей теории.

Следующий, третий уровень реинтеграции человека в экономическую историю и теорию связан с новым, еще не прижившимся понятием духовных производительных сил (ДПС) общества. К ним, как отмечалось, принадлежат: наука, образование, культура, а так же духовные силы личности, семьи, организации, гражданского общества, управленческой элиты, присущие им внутренние институты и связи с внешней институциональной системой в целом. Но в трехсекторной модели экономики, скажут нам, наука, образование и культура относятся к сфере обслуживания. Да, но это обстоятельство не должно закрывать пути дальнейшего исследования этого разнокачественного, медленно интегрирующегося образования и выявления его дополнительных инновационных функций. Уже начальная стадия движения в этом направлении предполагает введение данного представления в понятийный аппарат истории и теории экономики. Это позволяет поставить в центр внимания ядро сущностных сил нации, как уже воплощенных, так и постоянно воспроизводимых. Это ядро влияет на развитие институтов всей социальной системы и, главное, на воспроизводство гуманистически настроенного, правопослушного, интеллектуально и экономически конкурентоспособного человека. Исследование и корректировка взаимосвязей ДПС с институциональной макросистемой становится одной из первостепенных задач экономической истории и теории. Но предварительным условием этого процесса продолжает оставаться дальнейшая разработка теории ДПС.

В разработку теории ДПС, по-видимому, должны войти представления о реструктуризации управления наукой, ее новом институциональном обеспечении, о сближении с образованием культурой и формировании системы кластерного типа с ярко выраженными креативными функциями. Превращение системы, в дальнейшем, в многофункциональную креатосферу производящую новые идеи, знания, информацию, технологии, регулиующую уровень духовной и социальной жизни в обществе и спасающую его от опасностей дегуманизации, фашизации, одичания и других деструктивных уклонов, приведет, надо думать, к качественно-новому состоянию институтов и социально-экономического макрообъекта в целом.

Выводы и предложения. В заключение всего сказанного следует отметить, что реализованный в данной статье методологический подход (инверсионное соединение рационализации коренных понятий с инновационной моделью трехуровневой реинтеграции человека в эко-

номической истории и теории) дает возможность прийти к следующим основным выводам:

1. Выяснение и решение первоочередных междисциплинарных проблем открывает новые возможности дальнейшего творческого взаимодействия теории и истории экономики

2. Надежной методологической основой, наряду с совершенствованием понятий, могут стать интеграция в теории институтов инверсионно-полевого подхода и понимание качественных инверсионных изменений, как одного из главных признаков индустриальной, постиндустриальной экономики и технологического способа производства

3. Новым направлением взаимосвязей становятся историко-экономические исследования отраслевых, внутриотраслевых и внутриорганизационных институтов

4. В качестве общей исследовательской проблемы истории и теории выступает познание особенности взаимосвязей в структуре: институты – социально-экономические отношения. Социально-экономическим движениям возвращается роль факторов воздействующих на институты

5. На почве нового понимания системообразующей роли технологического способа производства возникает идея конвергенции: теорий экономического роста, постиндустриального общества и устойчивого экономического развития с теорией институтов. Разработка, на этой основе, междисциплинарной модели сложных социально-экономических систем станет еще одним шагом к обновлению экономической теории и усилению ее междисциплинарных функций.

6. К существенным стимуляторам усиления взаимосвязей экономической истории и теории институтов следует отнести так же: разработку историко-экономической антропологии, историко-экономические исследования организаций, интеграцию представлений о духовной составляющей процесса развития социально-экономических систем

7. Поскольку духовные производительные силы (ДПС) находятся в тесной взаимосвязи с технологическим способом производства, системой институтов и организаций, являясь исходным звеном формирования инновационных идей, воздействующих на всю систему, ее сохранение и развитие, – то их общесистемная, творчески интегрирующая роль должна найти четкое отражение и в современных экономических знаниях. И если говорить о ключевых факторах развития экономики, то именно ДПС принадлежит первостепенная духовно-созидательная роль, за которой уже, вопреки Норту, следуют технологии и институ-

ты. Именно к такому выводу можно прийти и на основе анализа созданной институционалистами теории постиндустриального общества и на основе мнений целого ряда известных западных авторов (А. Солоу, Д. Белл, Р. Камерон, П. Ромер, О. Галор, О. Моав и др). Необходимо и дальше продолжить данные исследования, которые более четко будут обозначать базовые ориентиры инновационной экономики и экономики знаний. Время действительно не ждет.

Список использованной литературы

1. Бест М. Новая конкуренция. Институты и промышленное развитие / М. Бест. – Москва, 2002. – 356 с.
2. Обучение рынка. – Москва : Экономика, 2004. – 382 с.
3. Зверяков М. И. Глобализация и деиндустриализация : содержание, противоречие и способы их решения / М. И. Зверяков // Экономика Украины. – 2017. – № 12. – С. 3-12.
4. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований. – Харьков : Форт, 2008 – 928с.
5. Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. – Москва : Институт Гайдара, 2013, м.1-2. – 464с., 624 с.
6. Коландер Г. Революционное значение теории сложности / Г. Коландер // Революционное значение теории сложности – Вопросы Экономики. – 2009. – № 1. – С. 84-108.
7. Норт Д. Інституції, інституційні зміни та функціонування економіки. – Київ : Основи, 2000. – 198 с.
8. Проблемы современной экономики и институциональная теория. – Донецк : 2009. – 500с.
9. Уперенко Н. А. Эволюция связей экономической истории и экономической теории – Историк-экономист С. Я. Боровой и проблемы современной истории экономики / Н. А. Уперенко. – Одесса, 2013. – С. 101-137.
10. Фурботн Э. Г. Институты и экономическая теория / Э. Г. Фурботн, Р. Рихтер. – Санкт-Петербург, 2005. – 396 с.
11. Хикс Дт. Теория экономической истории / Дт. Хикс. – Москва : Вопросы экономики, 2003. – 324 с.
12. Ходжеон Д. Экономическая теория и институты / Д. Ходжеон. – Москва : 2003. – 464 с.
13. Чухно А. А. Інституційно-інформаційна економіка / А. А. Чухно, П. М. Леоненко, П. У. Юхименко. – Київ : «Знання», 2010. – 687 с.
14. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория / А. Е. Шаститко. – Москва, 2009. – 120 с.

Стаття надійшла 30.01.2018 р.

М. О. Уперенко,

доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри загальної економічної теорії
і економічної політики
Одеський національний економічний університет,
вул. Преображенська, 8, м. Одеса, 65082, Україна
e-mail: rinek@onu.edu.ua

Е. А. Кузнєцов,

доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри економіки та управління
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
Французький бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Україна
e-mail: edkuznietsov@gmail.com

МІЖДИСЦИПЛІНАРНІ ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ЕКОНОМІКИ ТА ТЕОРІЇ ІНСТИТУТОВ

У статті розглядаються базові аспекти реалізація методологічного підходу в системі інверсійного з'єднання раціоналізації корінних понять з інноваційною моделлю тривірневої реінтеграції людини в економічній історії та теорії. Доводиться необхідність подальшого розвитку духовних продуктивних сил суспільства, як основи формування інноваційної економіки і економіки знань. Пропонується модель розширення і поглиблення інституційної теорії на основі історико-економічних досліджень галузевих і міжгалузевих інститутів, а також їх внутрішніх організаційних підсистем в сучасних ТНК, альянсах і кластерах.

Ключові слова: інституційна класична теорія, історія економіки та теорія інститутів, духовні продуктивні сили, модель реінтеграції людини, макроекономічне і мікроекономічне розвиток, постіндустріальне суспільство, економіка знань, інноваційний процес, інтелектуальне і креативний розвиток суспільства.

М. О. Uperenko,

Doctor of Economics, professor,
Head of general economic theory department
of Odessa National Economical University,
8, Preobrazhenskaiia str., Odessa, 65082, Ukraine,
e-mail: k.zet@oneu.edu.ua

Е. А. Kuznietsov,

Doctor of economics, professor,
Head of the Department of Economics and Management
of Odessa I. I. Mechnikov National University,
24/26, Frantsuzkiy av., Odessa, 65044, Ukraine
e-mail: edkuznietsov@gmail.com

MULTIDISCIPLINARY ISSUES OF HISTORY OF ECOCOMICS AND THEORY OF INSTITUTES

In the article the basic aspects of the methodological approach realization in the system of the inverse connection of the fundamental concepts with the three-tier innovative model of the human reintegration in the economic history and theory. The necessity of the further development of the spiritual productive forces of the society, as the basics of the formation of the innovative economics and knowledge economics, is proved. The model of expansion and deeping of the institutional theory on the basis of historical and economical researches of sectoral and intersectoral institutions, and their internal organizational subsystems in the modern TNCs, alliances and clusters, is proposed.

Key words: classical institutional theory, history of economics and theory of institutes, spiritual productive forces, model of human reintegration, macro and microeconomic development, postindustrial society, knowledge economics, innovative process, intellectual and creative development of the society.

References

1. Best, M. (2002). Novaia konkurentsia. Insituty i promyshlennoe razvitiie [New competition. Institutes and industrial development]. Moskva. [in Russian].
2. Obushenie rynka [Market training]. Moskva : Ekonomika. [in Russian].
3. Zveriaikov, M. I. (2017). Globalizatsia i deindustrializatsiia : soderzhanie, protivorechie i sposoby ikh resheniia [Globalization and de-industrialization : content, contradiction and methods of their solution]. *Ekonomika Ukrainy. – Economy of Ukraine*, № 12, pp. 3-12. [in Russian].
4. Institutionalnaia arkhitektonika i dinamika ekonomicheskikh preobrazovaniï [Institutional architectonics and dynamics of economical transformations]. Kharkov : Fort. [in Russian].
5. Kembrizhskaia ekonomicheskaia istoriia Evropy novogo i noveishego vremeni [Cambridge economical theory of Europe of the new and newest time]. Moskva : Institut Gaidara. [in Russian].
6. Kolander, G. (2009). Revoliutsionnye znachenie teorii slozhnosti [Revolutionary importance of the theory of difficulties]. *Voprosy Ekonomiki. – Questions of Economics*, № 1, pp. 84-108. [in Russian].
7. Nort, D. (2000). Instytutsii, instytutsiini zminy ta funktsionuvannia ekonomiky [Institutions, institutional changes and economics' functioning]. Kyiv : Osnovy. [in Ukrainian].
8. Problemy sovremennoi ekonomiki i institutsionalnaia teoriia [Issues of the modern economy and institutional theory]. Donetsk. [in Russian].
9. Uperenko, N. A. (2013). Evoliutsiia sviazei ekonomicheskoi istorii i ekonomicheskoi teorii – Istorik-ekonomist S. Ya. Borovoi i problem sovremennoi istorii ekonomiki [Evolution of the relationships between the history of economics and economical theory – Historian and economist

- S. Ya. Borovoi and issues of the modern history of economics]. Odessa. [in Russian].
10. Furbotn, E. G. & Rikhter, R. (2005). Instituty i ekonomicheskaiia teoriia [Institutes and economic theory]. [in Russian].
  11. Khiks, Dt. (2003). Teoriia ekonomicheskoi istorii [Theory of economical history]. Moskva : Voprosy ekonomiki. [in Russian].
  12. Khodzheon, D. (2003). Ekonomicheskaiia teoriia i instituty [Economic theory and institutes]. Moskva. [in Russian].
  13. Chukhno, A. A., Leonenko, P. M. & Yukhimenko, P. U. (2010). Instituttsionalno-informatsiina ekonomika [Institutional and informational economics]. Kyiv: Znannia. [in Russian].
  14. Shastitko, A. E. (2009). Novaia instituttsionalnaia ekonomicheskaiia teoriia [New institutional economical theory]. Moskva. [in Russian].